

Пусть даже потешный обряд первого выбора и обернулся для Баоюя полным провалом, жестоко уязвив гордость Цзя Чжэна и поселив в его душе холодное раздражение против младшего сына, это ничуть не пошатнуло слепую, безграничную любовь Матушки Цзя и госпожи Ван. Известно ведь: в простых семьях пуще прочих любят меньших детей, а в знатных домах и подавно. Вскоре после рождения Баоюя старая госпожа распорядилась перевезти внука в свои покои, дабы лично, не спуская глаз, пестовать ненаглядное дитя. И хотя госпожа Ван радовалась такому высокому покровительству, её материнское сердце тосковало по младенцу, которого разлучили с ней в столь нежном возрасте. В глубине души она затаила безмолвную обиду на свекровь.

Баоюй рос на редкость смыслёным и бойким. Цзя Чжу втайне признавал, что в столь ранние годы сам он не обладал и половиной той лёгкости, с какой младший брат схватывал книжную премудрость. Стоило Баоюю едва заговорить, как Цзя Чжэн вознамерился поручить его обучение старшему сыну, надеясь вырастить из него ещё одного блестящего книжника, готового к сдаче государственных экзаменов. Увы, мальчик с колыбели питал отвращение к сухим трактатам и мужчинам, посвятившим себя чиновничьей карьере. Перед суровым отцом он трепетал всем сердцем, да и к старшему брату испытывал лишь робкий страх. Из-за этого между братьями быстро пролегла невидимая граница. Стоило Баоюю оказаться перед Цзя Чжу, как вся его былая живость и хвалёный ум мгновенно уступали место немому оцепенению.

Видя это, Цзя Чжэн приходил в неопишемую ярость. Однако госпожа Ван всякий раз мягко увещевала супруга:

— Наш Чжу-эр сейчас полностью поглощён подготовкой к экзаменам, стоит ли обременять его заботами о младшем брате? Я вижу, как Баоюй тянется к Юаньчунь. Пусть она учит его грамоте, а старший сын спокойно готовится к испытаниям.

Хотя Цзя Чжэн и ворчал, он не мог не признать разумность этих слов. Успех Цзя Чжу на предстоящих экзаменах сейчас был делом первостепенной важности, перед которым всё прочее отступало на второй план. Он позволил старшему сыну вернуться к книгам, напоследок тепло напутствовал его.

«Надо же, этот паршивец умудрился возненавидеть меня ещё до того, как научился толком говорить», — с усмешкой подумал Цзя Чжу.

Госпожа Ван велела позвать Юаньчунь. Баоюй, с рождения тянувшийся к женскому обществу, расцветал рядом с сестрой. Её мягкий голос и ласковый взгляд казались ему куда приятнее сурового наставничества мужчин, и весь его скрытый талант раскрывался в полную силу. Не исполнилось мальчику и четырёх лет, как под её чутким руководством он уже легко запомнил несколько тысяч знаков. Юаньчунь понимала, что мать родила сына на склоне лет, а у старшего брата из-за бесконечной учёбы нет ни единой свободной минуты на воспитание дитяти. Она окружила Баоюя поистине материнской заботой, оберегая его чутко и бережно. Мальчик всё сильнее убеждался, что лишь в женском обществе можно найти истинную нежность и понимание, что предопределило его будущую привычку проводить все дни напролёт в женских покоях. Впрочем, об этом речь пойдёт позже.

Вскоре после появления Баоюя в поместье Жунго, радостная весть пришла и из дома Линь. Спустя более чем десять лет после рождения Сююя, Цзя Минь снова носила под сердцем дитя. Все эти годы у Линь Хая было несколько наложниц, но ни одна из них так и не подарила ему наследника. Этот долгожданный ребёнок стал для супругов величайшим благословением, способным скрасить их тихую обитель и избавить от гнетущего чувства одиночества. Особенно радовался Сююй. При каждой встрече он с восторгом делился с Цзя Чжу:

— Наконец-то я перестану завидовать тебе, Чжу-эр! У тебя есть и брат, и сёстры, а я до сих пор рос совсем один.

Через несколько месяцев на свет появилась девочка. Линь Хай и Цзя Минь обрели полное семейное счастье, став родителями и сына, и дочери. Малышка, унаследовавшая черты своей матери, мгновенно стала всеобщей любимицей. Ей дали имя Дайюй.

Единственной ложкой дёгтя в этой бочке мёда было слабое здоровье новорождённой. Малышка Дайюй родилась хрупкой, страдая от врождённой слабости, так что целебные отвары давали ей едва ли не с первого вздоха. Родители изнывали от тревоги, не зная, как уберечь хрупкую жизнь, и тратили баснословные суммы на лучших врачей. Помощь пришла от Шао Инлиня. Осмотрев девочку, он успокоил супругов, объяснив, что у неё нет неизлечимого недуга — лишь врождённая слабость тела, из-за которой она чутко реагирует на малейшие перемены погоды. Он составил для Дайюй особый укрепляющий отвар для постоянного приёма и поделился ценными наставлениями по уходу за слабыми детьми. Напоследок Шао Инлинь таинственно добавил:

— По моим наблюдениям, молодая барышня отмечена печатью необычной судьбы. Её появление на свет окружено тайной, а происхождение её, здаётся мне, весьма возвышенно. Вам, господин и госпожа, следует оберегать её пуще прежнего. В отличие от молодого господина Сююя, который легко сходится с людьми и дружен с Чжу-эром, барышне предначертан иной путь. Если вы желаете ей долгой жизни и счастья, держите её вдали от чужих людей и не позволяйте посторонним слышать её плач.

Супруги Линь крепко запечатали эти слова в своих сердцах.

Когда весть о рождении дочери в доме Линь достигла поместья Жунго, оттуда незамедлительно отправили щедрые дары. Особое усердие проявили Цзя Чжэн и госпожа Ван. Поскольку их старший сын Цзя Чжу теперь постигал науки под крылом господина Линя, его будущность во многом зависела от расположения этого семейства. Подарки от второй ветви дома Цзя превосходили по своей роскоши подношения прочих родственников. Что же касается Матушки Цзя, то, узнав, что у её любимой дочери родилась девочка, так похожая на мать, она растрогалась до слёз, вспоминая юные годы Цзя Минь. Старая госпожа не только выслала богатые дары из личных запасов, но и загорелась желанием немедленно перевезти внучку к себе. Однако супруги Линь, сославшись на слабое здоровье малютки, вежливо отклонили это предложение. Матушке Цзя пришлось скрепя сердце отступить.

Спустя полторы недели после рождения Дайюй в поместье Жунго разрешилась от бремени Чжао-ши, подарив Цзя Чжэну дочь — Таньчунь. Благодаря этому событию Чжао-ши из простой

служанки, делившей постель с господином, была официально возведена в ранг наложницы. Появление на свет девочки, да ещё и рождённой от наложницы, мало взволновало Матушку Цзя. С тех пор как госпожа Ван подарила семье драгоценного Баоюя, старая госпожа больше не беспокоилась о продолжении рода второго сына.

Зато саму госпожу Ван это известие привело в крайнее уныние. Хотя её собственное положение матери законного наследника оставалось непоколебимым, в побочных детях она видела невольную угрозу будущему благосостоянию своих отпрысков — ведь при разделе имущества им неизбежно досталась бы часть семейного пирога. И всё же, помня, что Чжао-ши была некогда приставлена к мужу по воле самой Матушки Цзя, госпожа Ван копила гнев втайне. Чжао-ши оставалась молодой и привлекательной, Цзя Чжэн охотно проводил ночи в её покоях, а значит, Таньчунь могла оказаться не последним её ребёнком. Госпожа Ван возненавидела соперницу всей душой и при каждом удобном случае изливала на неё свою досаду.

Заметив это, Цзя Чжу решил вмешаться. Зная слабость Матушки Цзя к маленьким барышням, он обратился к матери с мягким советом:

— Матушка, что сделано, то сделано, стоит ли изводить себя напрасными обидами? Сестрица Юаньчунь вряд ли сможет вечно оставаться при вас и разделять ваши заботы. Поскольку бабушка души не чаёт в девочках, почему бы не отдать Таньчунь на воспитание в её покои? Проявите к ней материнское тепло, пригрейте под своим крылом. Малышка вырастет и станет вашей верной опорой, забыв о родной матери. А когда придёт пора выдавать её замуж, всё будет устроено от вашего имени. Какое дело тогда будет до наложницы Чжао?

Госпожа Ван внимательно выслушала слова сына и, немного подумав, признала его правоту. Растроганная, она нежно сжала руку Цзя Чжу:

— Чжу-эр, мальчик мой... Никто в этом доме не чувствует моих горестей так, как ты. Но сейчас тебе нужно думать лишь об учёбе. Не забивай голову домашними дразгами, иначе отец, не дай бог, узнает и снова станет упрекать тебя в пренебрежении науками. Твоё будущее — вот что для нас важнее всего.

Цзя Чжу почтительно склонил голову. Сказав всё, что нужно, он почувствовал облегчение. Если Таньчунь заберут от наложницы Чжао и воспитают в покоях старой госпожи под покровительством законной супруги, это избавит семью от множества будущих бед. Что же касается нерождённого пока Цзя Хуаня... что ж, об этом он позаботится, когда придёт время. А пока стоило сосредоточиться на главном.